

МАММА • МІА!

ФОТО: ДАВИДЭ ЧЕРАТИ
ТЕКСТ: БОРИС МУРАДОВ

НАВЕРНОЕ, ДЛЯ ФОТОГРАФА-ИТАЛЬЯНЦА ТАК ЖЕ ЕСТЕСТВЕННО РАБОТАТЬ В ОБЛАСТИ МОДЫ, как есть пасту и карпаччо, пить кьянти и граппу, болеть за Ferrari и то и дело восклицать: «O mamma mia!». Неизвестно, соблюдает ли все эти «национальные стандарты» Давидэ Черати, но его фотостудия расположена в окрестностях Милана — одной из мировых столиц моды.

ДАВИДЭ ЧЕРАТИ

Давидэ Черати — профессиональный итальянский фотограф, особенно успешно работающий в области моды. Среди его клиентов — известные итальянские и международные компании по производству одежды, белья и различных аксессуаров. Он является одним из всего лишь 24 фотографов (из 12 стран), удостоенных престижнейшего наивысшего в творческой «табели о рангах» FEP (Федерации европейских фотографов) статуса Master QEP (подробнее — Digital Photo N94, февраль 2011). Участник множества коллективных и персональных выставок. Автор фотоальбома «Четыреста глядящих в камеру глаз». Обладатель звания «Фотограф года — 2008» по версии международного профессионального фонда Orvieto Fotografia.

www.cerati.biz
info@cerati.it

Врасхожем представлении (во многом небезосновательном) фотограф, работающий в области моды, и сам должен быть таким «расфуфыренным», гламурным и манерным или, по меньшей мере, пафосным франтом. Давидэ Черати, будучи одним из лучших в Европе фэшн-фотографов, совершенно не вписывается в этот стереотип: он ни в коей мере не гламурен, не пафосен и даже, пожалуй, излишне скромнен. Что не мешает ему быть чрезвычайно обаятельным. Во всяком случае, именно такое впечатление произвел Черати по ходу нашей с ним беседы в рамках недавно прошедшего в Лионе II Конгресса Федерации европейских фотографов.

Он и сам подтверждает это, признаваясь: «Меня часто приглашают работать на показах, но я не люблю всю эту праздную толпу, суету, шум... Я предпочитаю работать в студии или в местах натуральных съемок, сугубо со своей группой».

Более того, Черати не считает себя

«Порой я вторгаюсь в традиционные «закрытые» темы, но мне раз за разом удается доказывать моим заказчикам эффективность такого подхода»

именно фэшн-фотографом. «Я снимаю все, что хочется и что вызывает у меня интерес, любопытство и желание испытать себя в чем-то новом. Моя истинная специализация — не иметь специализации. В жанровом плане я подвижен и эклектичен. Для меня в словосочетании «фотография чего-либо» главенствующим является слово «фотография», неважно чего именно. Я снимаю моду, но также и еду, интерьеры, вообще любую рекламу, портреты (как по заказу компаний, так и индивидуально)...» Однако, сказав это, тут же добавляет: «Просто моду я люблю снимать больше всего!».

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ ФОТОГРАФА

В детстве Давидэ ничто, пожалуй, не предвещало того, что он станет профессиональным фотографом. Скорее, наоборот. «У моего отца была Bencini Comet — простенькая итальянская камера конца 40-х годов, рассчитанная на пленку 127-го формата на бумажной подложке, с фиксированной диафрагмой и лишь с двумя положениями выдержки: 1/50 и В (Bulb — произвольная выдержка от руки. — Прим. ред.), — вспоминает Черати. — Большую часть времени она лежала без дела, но когда в отпуск отца мы отправлялись на

отдых, он непременно брал ее с собой вместе с... всего одной катушкой пленки на 16 кадров! Эту катушку растягивали на все время отпуска, поэтому ритуал съемки был для меня сродни волшебству, я ждал каждого снимка как чего-то очень важного в жизни. И когда отец решил сделать снимок, все вокруг словно замирало и становилось второстепенным. Поэтому, когда отец впервые предложил мне снять пару кадров самому, я был по-настоящему счастлив! А чудеса, происходящие затем в «темной комнате», попросту завораживали. В результате настал день, когда я заявил отцу, что, когда вырасту, хочу стать фотографом. Мои родители, как и дед с бабушкой, были шляпных дел мастерами, производили «конкретный» товар, и отец отнюдь не пришел в восторг от моих намерений — скорее, обеспокоился ими, поскольку благосостояния, по его мнению, это не сулило. Да и для меня это было тогда, по сути, лишь наивной и иллюзорной детской мечтой. К счастью, со временем я и эту свою мечту смог воплотить в реальность, и родителей, таким образом, сумел переубедить».

Любительский и профессиональный этапы в своем фототворчестве Давидэ определяет так: «Пока в свои тогдашние 15-16 лет я использовал приобретенный по случаю допотопный Kodak Retinette, я был простым любителем, а отсчет своей профессиональной карьеры веду с того момента, как смог приобрести свою первую «зеркалку» — Canon FTb». При этом Черати не стал полагаться лишь на самообразование и в середине 80-х отправился постигать фотопремудрости в миланскую Школу визуальных коммуникаций (запомним это слово в названии школы!). Однако там преподавали также и графику, и науку кино, в результате чего молодого студента больше захватило именно последнее, а фотография на какое-то время отошла на второй план. «Меня увлек киноязык, принцип последовательности планов в сравнении с неподвижностью фотозображения», — поясняет Давидэ. Попрактиковавшись в роли помощника оператора, звукорежиссера и редактора, Черати затем уже в качестве оператора и режиссера снял несколько небольших коммерческих и короткометражных авторских фильмов. В частно-

сти, один из них — Senza Fine («Бесконечность») — был отмечен в 1985 году жюри Миланского кинофестиваля. Но со временем страсть к фотографии вернулась, и под первое серьезное приглашение к сотрудничеству, полученное от знаменитого производителя шин Pirelli, Черати даже купил в распродажу камеру Mamiya RB67 формата 6x7. «Я провел 3 дня только за чтением инструкции к ней перед началом выполнения работы для Pirelli», — смеется сейчас фотограф. С того момента итальянский и мировой кинематограф, возможно, потерял одаренного режиссера и оператора, но зато мир моды и рекламы точно приобрел талантливо-го фотографа. В первые три года работы в качестве коммерческого фотографа, по словам Черати, ему довелось снимать «все» — самые разные товары, промышленные сюжеты, натюрморты, рекламу для ярмарок, пока в 1988 году он почти случайно не получил заказ от одного из производителей мебели, которых в Италии, как известно, тоже пруд пруди — не меньше, чем производителей модной одежды. И следующие

четыре года Давидэ провел в несколько монотонном обществе диванов, шкафов, кроватей, кресел и прочих табуреток. О чем он, однако, нисколько не жалеет. Напротив, убежден, что провел это время с большой пользой: «За эти годы я многому научился — как сугубо в плане техники фотосъемки, так и с точки зрения организации процесса. Мебель — не самый худший в этом смысле объект для съемки. Ее производители требуют от фотографа и «технического прочтения» продукта, и эмоционального воздействия образа. В сценах с мебелью часто задействуются люди, возникает необходимость в серии снимков, требуется порой именно кинематографический подход, и, когда я понял, что такое возможно, моя любовь к фотографии возобладавала во мне окончательно и бесповоротно».

РОДОМ ИЗ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

Когда речь заходит о творческом становлении фотографа, неминуемо встает вопрос о кумирах в этой области, образцах для подражания, просто каких-то путеводных ориентирах в виде работ «старших товарищей».

Не случайно ведь и журнал Digital Photo уделяет творчеству известных фотомастеров столь много внимания (и данный материал — живой тому пример) — нельзя научиться фотографировать (а не «фоткать»), не изучая работы профессионалов.

Черати в качестве такого путеводного ориентира называет одного из самых значительных итальянских фотографов второй половины прошлого столетия — Луиджи Гири. Работая поначалу в содружестве с художниками-концептуалистами, позже Гири переключился на съемку пейзажей и архитектуры и прославился своим особым, «волшебным» умением играть цветом так, что даже самые, казалось бы, невзрачные сюжеты превращались в яркие. «Я не имел удовольствия знать его лично, — поясняет Черати, — но я, можно сказать, вырос на его творчестве, и очень часто в процессе работы, пусть даже и совсем в другом жанре, я мысленно как бы сверяю свою задумку или результат с его работами, это помогает мне до-

стичь баланса в выборе формы и палитры. Есть и другие фотографии, которыми я восхищаюсь и которые в той или иной степени, наверное, повлияли на мое видение мира через объектив, назову лишь нескольких для примера: это Ричард Аведон, Ирвин Пенн, Робер Дуано, Джанни Беренго Гардин, Петер Линдберг. Очень интересны работы Джанкарло Майокки и его студии Occhiomagico — блестящий пример того, как можно удачно совместить идеи в области дизайна, фотографии и других видов искусства. Однако при всем том не скажу, что конкретно чьи-то работы или стиль когда-либо вдохновили меня на подражание ему. Думаю, что моя визуальная культура вообще во многом была сформирована под влиянием искусства итальянского Возрождения — на бессознательном уровне еще в школьном возрасте, когда родители ежегодно вывозили меня в разные уголки Италии. В равной степени я чувствую связь своего творчества с творчеством художников, музыкантов, режиссеров... Это

«НУЖНО УМЕТЬ «ВЫТАЩИТЬ» ИЗ ЧЕЛОВЕКА ЧТО-ТО, ЧТО ПОЧТИ НЕВИДИМО, НО ПЕРЕДАЕТ ЕГО СУЩНОСТЬ. ВЕСЬ ФОКУС — В ТВОЕМ ЕДИНСТВЕ И ОДНОВРЕМЕННОЙ БОРЬБЕ С НИМ»

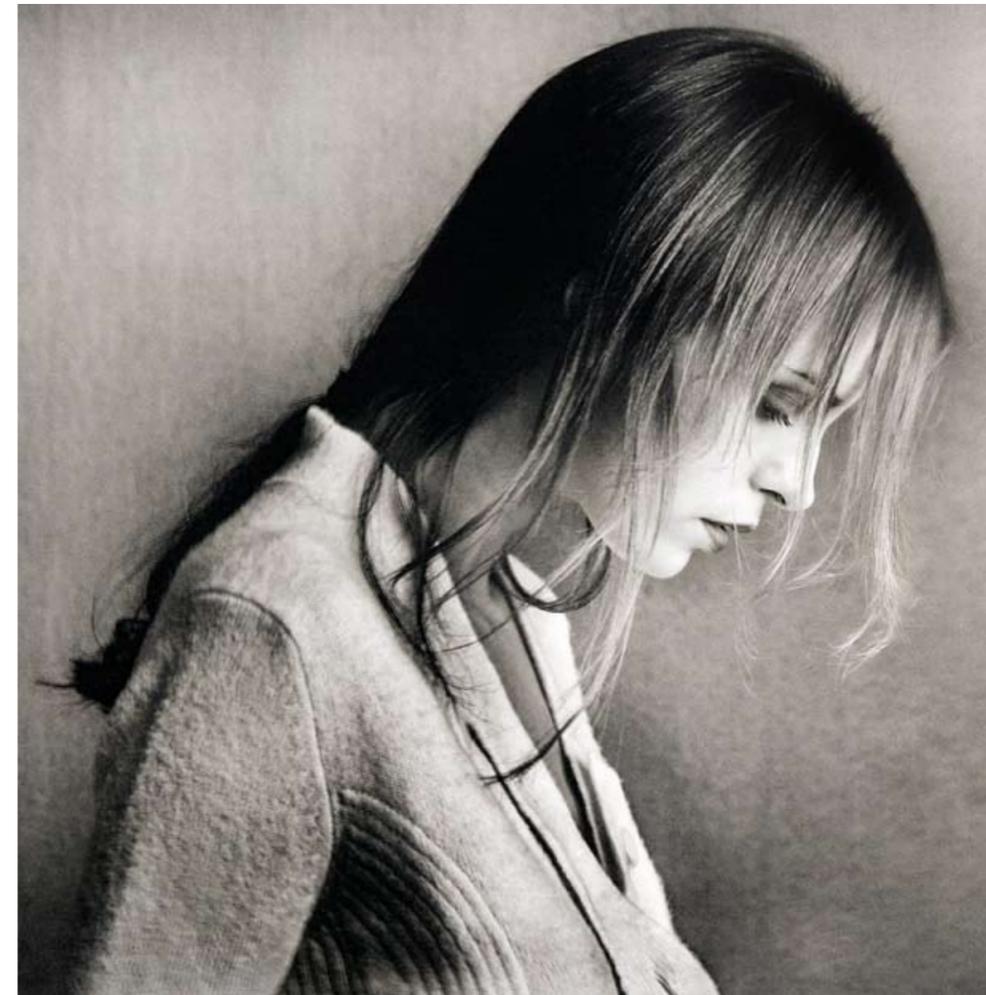
Феллини и Бунюэль, Хичкок и Кубрик, Дебюсси, Моцарт и Мусоргский, джазовые, блюзовые, рок-музыканты... Меня восхищает Эннио Морриконе. Он пишет главным образом для кино, и его композиции — это всегда какая-то история. А я этот же подход всегда стараюсь использовать в фотографии. Его музыка — это средство коммуникации. Я в своей работе стараюсь добиться того же».

ПИЦЦА С ДЕВУШКАМИ

Последние две фразы в вышеприведенном монологе Давидэ Черати — ключевые для понимания его творческого кредо. «Фотография для меня — это в первую очередь именно средство коммуникации, — утверждает он. — И ког-

да я снимаю моду, то непременно стараюсь рассказать в своих фотографиях некую историю — это для меня самое главное. Поэтому — и вообще в силу своего во многом кинематографического видения — я предпочитаю, когда есть такая возможность, снимать серии изображений. Но даже в одном снимке стараюсь достичь того же эффекта. К примеру, можно просто запечатлеть в кадре пиццу, а можно так, что за ней будет читаться целая история со Средиземным морем, солнцем, загорелыми девушками — даже если их не будет в кадре, они всплывут в подсознании. Я уж не говорю о том, насколько в этом плане важен реальный контекст, в котором ты снимаешь кадр».

Тут, естественно, возникает зако-

номерная мысль: с такими подходами в самый раз работать в жанре репортажа или уличной фотографии — вот уж где раздолье для историй. Почему же Черати предпочитает воплощать эти подходы в рекламной и фэшн-фотографии?

«А иначе было бы просто скучно, — парирует он. — Вам нравится скучная, одномерная реклама? Нет? И мне не нравится! Зачем делать что-то тривиальное? Фотография, даже если это не способ самовыражения, а всего лишь твоя работа, твоя профессия, требует постоянной эмоциональной подпитки, внутренней страсти. Меня всегда влекло экспериментаторство, жажда нового, желание ответить на тот или иной вызов. Именно поэтому, исчерпав себя в съемке мебели, я и пришел в мир моды. В Милане чуть ли не каждый второй фотограф снимает мебель, и в какой-то момент

я почувствовал необходимость делать что-то иное. Но и тут не надо идти проторенными дорожками. Я подошел к проблеме стратегически: постарался занять некую нетрадиционную нишу, не занятую другими. Заключалось это в привнесении в стандартную съемку присущей мне эклектики и кинематографического видения. Верный своему принципу «коммуникативности» фотографии, я стремился помочь своим клиентам именно в общении с потребителем, в разговоре с ним на живом и понятном ему языке. Порой это означало даже вторжение в традиционно «закрытые» темы, но мне раз за разом удавалось доказать моим заказчикам эффективность такого подхода».

Но если с такой легкостью можно «скакать» из одного жанра в другой, применяя к любому из них свои излюбленные подходы, то почему же тогда

Черати говорит о своей особой симпатии именно к фэшн-фотографии?

«В этом жанре меня особенно привлекает интерактивный контакт между фотографом и моделью, — поясняет Давидэ. — Каждый кадр — это наше совместное творчество, совместное решение задачи, совместный всплеск адреналина, совместное удовольствие от процесса и результата. К тому же со временем я понял, что на самом деле моя самая любимая тема в фотографии — это человек. Я бы с радостью снимал просто людей, как заблагорассудится, а мода — это мой профессиональный выбор. Фэшн-съемка — это всего лишь один из коммерческих вариантов съемки человека. Хоть формально главный объект этой съемки — некая вещь или стиль (одежда, обувь, украшения, прическа — неважно), на самом деле все равно в центре внимания носитель всего этого — человек. И

поэтому, проработав около пяти последующих лет «просто в рекламе и моде», я пошел в этом направлении дальше — продолжил работать с людьми еще и в жанре портрета».

Результат не заставил себя долго ждать: Давидэ Черати победил на Европейском фестивале фотопортретов в Бурбон-Ланси. Что, в свою очередь, дало новый толчок и его творчеству, и его профессиональной карьере: ему стали заказывать портреты и частные лица, и компании, а также приглашать в учебные заведения с лекциями об использовании света в портретной съемке. Не спросить мастера хотя бы о некоторых аспектах этого жанра было бы неразумно — в конце концов, моду снимают лишь профессионалы, а вот в портретах все мы время от времени пробуем свои силы.

«В портретной фотографии активное общение с моделью не менее, а то

«Однажды я работал над проектом по рекламе чулок от заказчика из России. Это было очень увлекательно!»

и более важно, чем в фэшн-съемке, — рассказывает Черати. — Нужно уметь «вытащить» из человека что-то, что почти невидимо, но при этом передает его сущность. Фотография — это всегда синтез, взаимодействие. Портрет — в особенности. Требуется очень тесный, но при этом весьма деликатный и тонкий контакт с портретируемым. Весь фокус — в твоём единстве с этим человеком и одновременной борьбе с ним, и я обожаю это волшебное состояние. В результате может получиться снимок, который расскажет об этом человеке больше, чем целая книга, что-то очень важное о нём, о его личности. При этом совершенно неважно, знаменитость ты фотографируешь или обычного человека. Я люблю снимать людей независимо от этого. Можно сделать потрясающий портрет, даже если снимаешь кого-то, кто не привык позировать перед объективом».

ПЛЕНКА — ХОРОШО, А «ЦИФРА» — ЛУЧШЕ!

Рассуждая о тех или иных достоинствах фотографий в самых разных жанрах, Черати почти никогда не говорит о технике, которую он использует, упирает именно на смысловую часть процесса. Значит ли это, что техническая вооруженность, по его мнению, не так и важна?

«Конечно, техника очень важна, — рассказывает Давидэ. — Просто для меня это само собой разумеющееся. Признаюсь, что, следуя принципу «Снимаешь мозгами, а не камерой», я никогда не был заиклен на технической стороне съемки. Но, конечно, у фотографа в распоряжении должна быть надлежащая аппаратура, чтобы он мог уже не забивать себе голову лишними техническими проблемами, чтобы всю свою умственную энергию он мог направить именно на «страте-

гическое» осмысление снимка, на его композицию, содержание, конечную эффективность».

Начинал Черати, как видно из его жизнеописания, еще в пленочные времена. Помимо перечисленных выше камер он использовал также и 35-миллиметровый Nikon, но, когда грянула цифровая революция, вопреки своим уверениям в спокойном отношении к выбору техники, потратил немало времени и сил на выяснение преимуществ ПЗС- и КМОП-сенсора. И хотя в то время в отношении первых было больше положительных мнений, он сделал выбор в пользу второй, поскольку, на его взгляд, она выдавала картинку, более близкую по качеству к пленочной и требовавшую меньше постобработки. Означало ли это, что с пленкой он расставался с большим сожалением и, быть может, наряду с довольно большим числом професси-

оналов аналоговой эры, так и остался ее приверженцем в душе?

«Нет, я отнюдь, не испытываю какой-то особой ностальгии в отношении пленочной фотографии. Да, я продолжаю порой снимать на черно-белую пленку, но больше именно для души — обработка пленки и последующие операции требуют слишком много времени, эта технология крайне не оперативна по современным меркам. И по совокупности различных аспектов цифровая фотография, безусловно, выигрывает в качестве у аналоговой. Я не хочу сказать, что само цифровое изображение качественнее пленочного, но теперь у фотографа больше возможностей для контроля как над процессом получения кадра, так и над результатом — начиная от построения композиции, самых разных корректировок при просмотре на ЖК-

экране камеры и заканчивая необходимой постобработкой. Фотография же сама по себе так и осталась фотографией. Изменились лишь средства ее получения. Так что, когда в 2003 году появилась первая полнокадровая цифровая камера — Canon EOS 1Ds, я без колебаний перешел на «цифру» и нисколько не жалею.

Это приобретение повлияло и на последующий выбор — мне пришлось по душе подход разработчиков Canon к созданию камер для профессионалов. Сейчас я использую две камеры: EOS 1Ds Mark III и EOS 5D Mark II. Вторая просто изумительна. У меня также есть компактный аппарат Powershot G10, которым я снимаю не очень часто, но неизменно им доволен. Объективы: 17-40 f/4, 24-70 mm f/2.8 (его использую чаще других), 70-200 mm f/2.8 со стабилизатором, 50 mm f/1.4, 28-135 mm f/3.5-5.6 (им я снимаю, когда, выходя

за пределы студии, беру с собой только один объектив) и 24-миллиметровый шифт-объектив — великолепная оптика, я бы все из этой серии купил».

Но ни один, даже снятый самой лучшей техникой и с применением самых замечательных идей кадр не может обойтись без соответствующей постобработки, тем более в столь тонкой сфере, как мода — Черати в этом глубоко убежден. Однако его девиз по этой части: «Улучшать, но не изменять!».

«Свое знакомство и работу с программой Photoshop я начал едва ли не с самого ее появления, еще с версии 2.0 — очень давно, почти два десятка лет назад, — рассказывает фотограф. — Узнав о ее возможностях (даже тех еще далеко не столь широких и совершенных, как сейчас), я решил опробовать ее и был очень впечатлен. Конечно, сначала это была скорее забава, но потом, когда

я овладел средствами программы уже всерьез, научился применять их легко и органично, постобработка цифровых изображений стала неотъемлемой частью моей работы. Если редактирование помогает добиться большей отдачи от снимка в плане его коммуникативной функции, то почему бы и нет? Но редактирование ни в коем случае не должно быть самоцелью. Напротив, оно должно быть едва заметным. В тех областях фотографии, в которых работаю я, Photoshop нужно использовать очень осторожно и корректно — только тогда от него есть толк. Особенно это касается портретных изображений. Уж если ты сумел снять выдающийся портрет (неважно, для рекламы или

сам по себе), важно потом его не испортить постобработкой, не выхолостить его суть, характер, который ты сумел поймать. Photoshop позволяет не думать в процессе съемки о досадном прыщике на носу человека или «лишней» мелкой морщинке — ты легко избавишься от них именно при постобработке. Но если вторгаться программными средствами в саму основу снимка, это может иметь для него разрушительные последствия — можно просто «убить» удачно пойманный образ».

**НА КЛИЕНТА НАДЕЙСЯ,
НО И САМ НЕ ПЛОШАЙ!**

Не секрет, что конкуренция в среде фотографов — а особенно среди ком-

мерческих, рекламных фотографов — чрезвычайно высока. Даже когда у тебя уже есть имя — ты ведь и такой тоже не один. Как Черати обеспечивает себя заказами? Это полезно знать любому, кто хотел бы связать свою жизнь с коммерческой фотографией. «Здесь много слагаемых, — поясняет Давидэ. — Конечно, ко мне обращаются с предложениями и заказами компании, которые меня уже знают или которым меня порекомендовали. Но, как известно, под лежачий камень вода не течет. Если бы я, почивая на лаврах, просто сидел, ожидая очередного заказа, то давно оказался бы на улице с протянутой рукой или протянул бы ноги. Ну, возможно, насчет протянутых конечно-

стей я слегка и преувеличил, но без собственной активности по отношению к потенциальным заказчикам в этом бизнесе делать нечего. Причем особенно важны даже не конкретные контакты с кем-то, а промоушн, продвижение своих работ. Своего имени вообще. В моей студийно-выездной команде работают три ассистента. Двое из них, как и я сам, делают абсолютно все, что необходимо в данный момент — от планирования съемки до постобработки. В то время как сфера ответственности третьего — только промоушн, настолько важен этот сектор работы».

Работа самого фэшн-фотографа — дело очень кропотливое, не теряющее суеты и торопливости, хотя заказы

весьма часто бывают срочными. «Снимаемая для каталогов (а это значительная часть моей работы), я получаю обычно «на выходе» полтора-два десятка снимков в день. Когда выполняю какой-то конкретный рекламный заказ — например, для уличных щитов, то результатом может быть и вовсе лишь один снимок за целый день. Задачу чаще всего ставит агентство, которое отвечает за выпуск каталога или производство рекламы в целом. Бывает, что мне предоставляется практически полная свобода в создании того или иного рекламного образа, но, как правило, над наброском сюжета там работает целая команда креативщиков во главе с арт-директором, а я уже воплощаю их идеи фотографическими

средствами. А вот то, как и какими средствами это делать — исключительно моя прерогатива. Скажем, как поставить свет, решаю только я сам. Главное, чтобы конечный результат оправдал ожидания заказчика. В частности, раз уж зашла речь о свете, я порой снимаю в полумраке, почти в полной темноте, используя объектив 50 mm f/1.4 и значение светочувствительности 1600 ISO, — получаются потрясающе эффектные кадры, которые очень нравятся заказчикам. Что же касается выбора места съемки, то, если он не оговорен особо клиентом, это может быть и студия, и какое-либо место вне ее. Я уже отмечал, что склонен в своей работе ко всему новому и спонтанному, и это

в полной мере проявляется и в выборе места для съемки».

В фэшн-фотографии, как, наверное, ни в одном другом жанре, кроме разве что «ню», дает о себе знать гендерный фактор. Сказываются ли таковой на профессиональных предпочтениях фотографа? С кем легче, интереснее и приятнее (в профессиональном, опять же, смысле!) работать — с мужчинами или женщинами? «Для меня это совершенно неважно, — смеется Черати. — Как говорится, был бы человек хороший! Нет, правда, все зависит только от личности, ну, и внешней фактуры, конечно, тоже, а пол значения не имеет. Другое дело, что, хотя бы в силу общего женского «перевеса»

в области моды, да еще и того, что я много работаю в сфере рекламы белья, в первую очередь мне приходится работать именно с девушками. И меня это, конечно, несколько не устраивает... Между прочим, однажды даже работал над проектом по рекламе чулок от заказчика из России. Это было очень увлекательно!»

По загадочно-довольному лицу итальянского фотографа было трудно понять, чем именно увлекла его та съемка, но, по законам жанра, нашу беседу на этом «самом интересном месте» пришлось прервать: начиналась очередная лекция в рамках конгресса. Но это и не важно, ведь самое главное о своей работе Давидэ Черати уже успел рассказать. ●

«Конечно, техника очень важна. Однако, следуя принципу «Снимаешь мозгами, а не камерой», я никогда не был заиклен на технической стороне съемки»

